

Эмиль Паин

Иноверцы и инородцы

Способна ли демократия противостоять исламофобии

Беседу ведет Ирина Доронина

И. Д.: Эмиль Абрамович, в России, как известно, принято «махать кулаками после драки». По окончании любого массового конфликта на почве ксенофобии у нас разгорается публичная дискуссия о его причинах. Некоторые едва ли не во всем винят прессу: мол, если бы она не подчеркивала этнической, расовой или религиозной принадлежности конфликтующих сторон и вообще не говорила бы о существовании таких проблем, то их бы и не было. Именно пресса якобы разжигает психологические фобии, которые становятся источником конфликтов.

Э. П.: Таких людей можно назвать стихийными сторонниками конструктивизма, поскольку они считают, что пресса таким образом «конструирует», создает психологические фобии.

И. Д.: Другие же настаивают на том, что в основе конфликтов лежит несовершенство государственного и общественного устройства России: если бы наше государство стало по-настоящему демократическим и правовым, то исчезли бы, мол, и фундаментальные предпосылки этнических и религиозных фобий.

Э. П.: А это сторонники, тоже в своем большинстве стихийные, модной ныне неoinституциональной теории.

И. Д.: Кто же из них прав?

Э. П.: О причинах взрыва ксенофобии в полной мере не дают ответа сторонники ни одной из указанных теорий. Достаточно сравнить наш опыт с американским. США, бесспорно, входят в число стран с самым высоким уровнем развития либерально-демократических институтов в сфере политики и права. По уровню же ограничений с позиций политкорректности на использование в прессе «hate speech» («языка ненависти, вражды») ей, пожалуй, и равных нет в мире. Но при всем этом с начала 2000-х годов в этой стране наблюдается заметное усиление ксенофобии в такой ее разновидности как исламофобия.

Эмиль Абрамович Паин, доктор политических наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики», Генеральный директор Центра этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ).

Именно этим в какой-то мере объясняется выбор, мой и моей аспирантки Марии Суловой, для сравнительного исследования (в период 2010–2012 годов) столь разных стран, как США и Россия. Сопоставив их, мы хотели выяснить, каково влияние на ксенофобию, в том числе на исламофобию, фундаментальных политических условий, связанных с типом политического режима. Предполагалось, что страна, занимающая первые строчки мировых рейтингов по уровню демократии, развитию гражданского общества, правовой защищенности граждан и отстаиваемых государством норм толерантности, лучше справляется с задачей ослабления фобий по отношению к представителям ислама, чем страна с заметными признаками авторитаризма и слабым, по сути зачаточным, развитием институтов гражданского общества. Реальность оказалась сложнее гипотетических конструкций. В самом начале исследования выяснилось, что *исламофобия* (различные формы предубеждения против ислама как идеологии и его носителей как религиозного сообщества) в большей мере характерна именно для США, тогда как современной России пока больше присущи иные проявления ксенофобии, а именно: *этнофобия* (ненависть, страх, предубеждение против этнических сообществ, объявляемых «чуждыми»), а также мигрантофобия.

И. Д.: То есть важно не во что верует «чужой», а кто он по происхождению и откуда приехал?

Э. П.: Именно. Почти с самого основания США основной формой ксенофобии здесь была расовая нетерпимость — предрассудки, существовавшие в массовом сознании в отношении афроамериканцев. К началу XXI века этот «белый расизм» удалось значительно притушить. Тому имеется множество свидетельств: данные социологических исследований, фиксируемые ФБР показатели снижения доли преступлений на почве расовой ненависти, включая нарушения норм политкорректности, и, разумеется, рост доли афроамериканцев на высоких государственных постах. Однако некоторое затишье на фронте преодоления ксенофобии было недолгим. После террористического акта 11 сентября 2001 года в стране произошел взрыв новой разновидности ксенофобии — исламофобии. По данным национальных опросов общественного мнения, проведенных исследовательским центром Pew Research Center, менее чем за год после сентябрьского теракта (к началу 2002 года) предубежденность против мусульман выросла почти вдвое — с семнадцати до двадцати девяти процентов, а к 2007 году ее стали выражать уже более трети американцев (тридцать пять процентов). И несмотря на то, что с 2001 года террористические акты в США не повторялись, антиисламские настроения не спадают.

И. Д.: Наверное, и внешнеполитические события сказываются на массовом сознании?

Э. П.: Да, внешнеполитические кризисы, развившиеся как эхо американской трагедии 2001 года, подогревают антиисламские настроения. Это вооруженные действия США в Ираке и Афганистане, а также опасения по поводу вероятности вооруженного конфликта США с Ираном. Материалы социологических исследований различных исследовательских коллективов (Pew Research Center, Gallup, Cornell University) за 2008–2011 годы указывают на вполне определенные тенденции в массовом сознании американцев. Во-первых, ислам оценивается более негативно, чем другие религии. Сорок пять процентов опрошенных высказали убежденность в том, что ислам в большей степени, нежели

другие религии, поощряет насилие среди своих адептов. Во-вторых, антиисламские настроения в той или иной форме охватывают все более значительные массы населения — от сорока до пятидесяти трех процентов американцев. Ведущую роль в конструировании и распространении «образа врага» действительно играют массмедиа. Американские исследования контента трех наиболее влиятельных и респектабельных политических газет — *The New York Times*, *The Los Angeles Times*, *The Washington Post* — показывают, что все три издания после событий 11 сентября 2001 года изображали мусульман более негативно, чем прежде.

И. Д.: А как же политкорректность?

Э. П.: Оказалось, что ограничения, вытекающие из строгих американских норм политкорректности, можно легко обойти. Для того чтобы испортить образ мусульман, даже не требуется напрямую употреблять по отношению к ним негативные определения. Достаточным бывает просто нагнетание в одном тексте таких терминов как «террористы», «экстремисты», «радикалы», «фанатики» и «исламские фундаменталисты». В прессе усилились и так называемые «мифологические репрезентации», которые состоят в том, что те или иные качества человека прямо или косвенно (упоминанием в другой части текста) связывают не с его социальными характеристиками, местом проживания, образованием, а с его вероисповеданием, в данном случае с исламом.

И. Д.: То есть спрос рождает предложение?

Э. П.: Безусловно. После 2001 года в США появился массовый спрос на негативный образ мусульманина, и массмедиа как разновидность бизнеса работает на его удовлетворение (можно сказать — эксплуатацию), тем самым усиливая негативность восприятия и расширяя зону распространения сложившихся предрассудков. Все заслоны на этом пути оказываются легко преодолимыми.

И. Д.: А какова доля мусульманского населения в США сравнительно с Россией?

Э. П.: В США примерно 7 млн мусульман (это около двух с половиной процентов населения). В списке религиозных сообществ они занимают лишь четвертую строчку по численности верующих, но по притяжению к себе различных фобий — первую. В Российской Федерации намного больше мусульман (не менее двадцати миллионов человек, то есть около пятнадцати процентов населения). Ислам является второй религией по численности верующих, но в силу ряда исторических обстоятельств она пока находится в поле преобладания нейтральных и позитивных оценок российского населения.

И. Д.: То есть в России межрелигиозная вражда менее заметна, чем межэтническая?

Э. П.: Да, это подтверждается результатами многолетнего мониторинга ксенофобии, проводимого Левада-Центром. Мониторинг свидетельствует об избирательном отношении большинства россиян к представителям ислама, и эта избирательность сугубо этническая. Так, с середины девяностых годов социологи фиксируют негативное отношение только к «северокавказской», наименьшей группе мусульман (их около шести миллионов человек), да и то не ко всей, а лишь к отдельным ее народам. К наибольшей же группе коренных российских мусульман, «поволжско-урало-сибирской» (это татары, башкиры, коренные поволжские и уральские казахи и другие — всего около восьми милли-

онов человек), в массовом сознании россиян устойчиво преобладают нейтральные и позитивные оценки. В США же этнические различия в рамках настроений исламофобии не проявляются или, по крайней мере, не улавливаются специальными исследованиями.

В России взрыв ксенофобии приходится на период начала первой «чеченской войны». Мониторинг Левада-Центра показывает, что именно в 1994 году впервые за все годы наблюдений доля негативных оценок по отношению к одной из этнических групп (в то время это были только чеченцы) превысила долю позитивных, составив пятьдесят один процент опрошенных. С конца девяностых годов ксенофобия расплодилась вширь — негативные оценки стали преобладающими по отношению к большинству других этнических групп Кавказа. В 2000-х годах к списку «нелюбимых» национальностей добавились различные этнические группы мигрантов из региона, который поставляет большую их часть в Россию, — из Средней Азии. Такая концентрация этнических фобий россиян на представителях народов, исторически связанных с исламом, неизбежно влечет за собой дополнение этнофобии в России исламофобией. К этому подталкивала и эскалация на всей территории страны внутреннего российского терроризма, связываемого в массмедиа с «исламским фактором». Кроме того, на Северном Кавказе этнический сепаратизм как главная идеологическая основа консолидации вооруженного подполья уступает свое место другой идеологии — исламскому фундаментализму. И все это влияет на изменение отношения большинства населения к мусульманству. Известный исследователь ислама Алексей Малашенко отмечает двойственное отношение к исламу в российском обществе. С одной стороны, он традиционно считается «своим», а с другой — со временем все больше воспринимается как чужеродное явление. Отвечая на вопрос «Какая религия кажется вам наиболее чуждой?», относительное большинство респондентов (двадцать шесть процентов) указывает на ислам.

И. Д.: И все же вы считаете, что пока исламофобия в России не достигла того уровня, который наблюдается в США?

Э. П.: В 2011 году Мария Сулова провела опрос интернет-аудитории США и России на эту тему по однотипной анкете. На вопрос «Как вы относитесь к мусульманской религии?» ответов, характеризующих отрицательное отношение к исламу, в США было почти вдвое больше, чем в России (сорок процентов против двадцати четырех). Положительное отношение проявило двадцать два процента россиян и восемнадцать процентов американцев. Нейтральное — подавляющее большинство респондентов из России (пятьдесят два процента) и тридцать пять процентов опрошенных из США.

Как справедливо отмечают исламоведы Георгий Энгельгардт и Алексей Крымин, российская ксенофобия направлена на «инородцев», а не «иноверцев». Наилучшим свидетельством тому является лексикон русской ксенофобии: в нем множество широко известных оскорбительных названий этнических и расовых групп. В последние годы к ним добавились еще и оскорбления в адрес мигрантов («понаехавших»). Но в этой лексике нет оскорбительных названий религий.

И. Д.: А в чем причина того, что в России ксенофобия приобрела именно этнический «уклон»?

Э. П.: Этническая основа ксенофобии характерна для постимперского общества. Этнофобии преобладали и в Российской империи, и в Советском Союзе, объединявших в одном государстве разнородные этнические террито-

рии. В постсоветское время на всех этих территориях отчетливо обозначился подъем этнического самосознания населения, а на некоторых из них — и этнический сепаратизм. Религиозное же сознание в России никогда не было чрезмерным, а уж в советское время оно и вовсе было подорвано. Россия не прошла этапа Реформации, как многие западные общества, и, возможно, поэтому конфессиональные различия не были столь значимы для социальной и политической жизни страны.

Иную роль религия играла в англосаксонской культуре. Как раз со времен Реформации важнейшие политические коллизии на Британских островах тесно переплетались с религиозным противостоянием. На противоборстве протестантов и католиков были густо замешены политические конфликты Англии с Шотландией, Англии с Ирландией, а затем политическая борьба времен Английской революции XVII века. Она прочно соединялась в массовом сознании англичан с борьбой реформаторов-протестантов («пуритан») с традиционалистами-католиками («папистами»). Как отмечают историки, радикальный пуританизм, выступавший за углубление Реформации, стал идеологическим знаменем Английской революции 1640–1649 годов. Пуритане стояли и у истоков образования Соединенных Штатов Америки. Именно с поселения пуритан в штате Массачусетс фактически началось (1620 год) английское заселение Северной Америки. Временами пуританизм, консерватизм здесь перерастали в протестантский фундаментализм. Кстати, и сам термин «фундаментализм» возник в США в 1909 году применительно к его протестантской разновидности.

И. Д.: В США религия и ныне играет большую роль.

Э. П.: По данным международного социологического опроса, проведенного Фондом Бертельсмана (Bertelsmann Foundation) в двадцати одной стране мира в 2007 году, американцы лидируют по доле верующих даже в сравнении с католическими странами Европы. Верующими называют себя около восьмидесяти восьми процентов населения США, это намного больше, чем в большинстве развитых стран мира. По разным оценкам, от двадцати одного до сорока одного процента жителей США посещают церковь не реже, чем раз в неделю. В России же доля тех, кто ходит в храм не реже одного раза в неделю, среди этнического большинства составляет, по разным оценкам, от трех до семи процентов.

Все 44 президента США были христианами, из них 43 — протестантами.

И. Д.: И только Джон Кеннеди — католиком.

Э. П.: А вот идея избрать президентом атеиста или мусульманина, как показывают социологические исследования, пока не поддерживается большинством американцев. Не только религиозная принадлежность, но и религиозные убеждения политика по-прежнему важны для американских избирателей. В России же эти признаки пока не имеют политического значения. Два первых российских президента по характеру службы и партийной принадлежности в советское время обязаны были быть «воинствующими атеистами». В постсоветское время мало кто из россиян ставил им это в укор, так же как мало кого из избирателей интересовала мера искренности их последующей демонстративной религиозности. Иное дело этничность — к ней присматриваются внимательнее. В периоды снижения популярности российских президентов им непременно придумывают фальшивые «этнические» биографии, изображая их «нерусскими», «инородцами».

И. Д.: Чуть раньше вы сказали, что этническая основа ксенофобии характерна для постимперского общества. Но ведь в империях, в том числе в Российской, тоже жило немало иноверцев, включая и мусульман. Почему все же этнический фактор оказался более существенным?

Э. П.: Различия в соотношении этнических и религиозных фобий (в частности исламофобии) — и это прослеживается опять же на сравнительном примере России и США — в немалой мере обусловлены спецификой генезиса исламского сообщества. В России не менее трех четвертей последователей ислама представляют собой коренное население. При этом численно наибольшая и наиболее дружественная для русских часть мусульман России, татары и башкиры, проживает совместно с ними в одном государстве уже более пяти веков. В США, напротив, две трети мусульман представляют собой исторически недавних мигрантов многочисленных национальностей, прибывших из разных стран почти всех континентов. Вместе с тем особое внимание следует обратить на те тридцать пять процентов американских мусульман, которые являются коренными жителями США, — в основном это афроамериканцы. Лишь небольшая их часть приходится на потомков рабов, привезенных в Америку из исламских стран Африки еще в XVII веке. Подавляющее же большинство представителей этой группы составляют люди, принявшие ислам в результате активного призыва, проведенного во второй половине XX века афроамериканскими религиозными организациями, такими как «*Nation of Islam*». Подобные организации боролись с расовой сегрегацией, зачастую используя идеологические средства, определяемые рядом авторитетных экспертов как идеология «черного расизма».

И. Д.: «Черные пантеры»?

Э. П.: Левацкая «Партия черных пантер» (*Black Panther Party for Self-Defense*) была крайним, радикальным проявлением такого расизма, она выступала «за вооруженное сопротивление социальной агрессии белых» в интересах особой «афроамериканской справедливости». Часть членов этой вооруженной, фактически террористической организации также приняла ислам. В то время смена веры была актом демонстративным, символизировавшим не только протест против государственной политики сегрегации, но и разрыв с доминирующими культурными нормами — культурой белого протестантского большинства. Так это воспринималось и многими представителями расового большинства Америки, которые с тех пор оценивают не только афроамериканский ислам, но и всю эту религию в целом как вызов, как антитезу себе. А события сентября 2001 года усилили в массовом сознании такой образ ислама.

И. Д.: Не свидетельствует ли усиление ксенофобии в столь не похожих друг на друга странах, как США и Россия, о том, что в основе ее лежит нечто более глубинное, нежели социальные и политические условия?

Э. П.: Рост ксенофобии в таких разных странах, как Россия и США, как будто бы действительно подтверждает известную гипотезу о ее несоциальной и неполитической природе. По мнению известных этологов, например Виктора Дольника, ксенофобия является биологически детерминированным феноменом, что объясняет ее иррациональность, неподверженность разумным доводам. Если это верно, то ксенофобия в принципе была бы не устранима в человеческом сообществе. Однако вовсе не биологическая природа играет ведущую роль в проблемах ксенофобии.

Ее структура, а именно соотношение расовых, этнических и религиозных фобий, *задается не биологией, а преимущественно историко-культурными особенностями развития той или иной страны.* Вместе с тем такая структура слабо связана с типом политического режима и другими важнейшими признаками политического устройства государства.

Подъемы, всплески, взрывы ксенофобии не имеют прямого отношения к биологической природе человека (она-то как раз изменяется слабо), но они также не связаны и с типом политического режима. Чаще всего они *обусловлены несистемными социально-политическими факторами, радикально изменяющими привычное течение жизни.* Это могут быть крупные террористические атаки (например, события 11 сентября 2001 года); длительные вооруженные столкновения инсургентов с регулярной армией (типа «чеченской войны»); а также различные кризисы — межгосударственных отношений, демографические (когда большинство становится или может стать меньшинством), экономические и другие.

А раз так, возникает вопрос: **способны ли либерально-демократические институты и другие фундаментальные политические условия демократического государства оказать сдерживающее влияние на распространение ксенофобии, в том числе такой ее разновидности, как исламофобия?**

И. Д.: Вопрос самый что ни на есть существенный. Так могут?

Э. П.: Более двух веков в России существует централизованная система организации как православных, так и мусульманских сообществ, тесно совмещенная с вертикалью государственной власти. В 1788 году по аналогии с православным Священным синодом здесь было учреждено Магометанское духовное собрание. Почти полтора века Духовное управление мусульман (под разными названиями), так же как и Священный синод, подчинялось непосредственно императору. После недолгого перерыва на революцию 1917 года и Гражданскую войну централизованное духовное управление возродилось — в 1923 году НКВД РСФСР...

И. Д.: НКВД?!

Э. П.: Да, именно НКВД утвердил устав Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ). В дальнейшем в СССР происходили реорганизации управления духовными делами мусульман, но так или иначе сохранялись централизованная структура (ЦДУМ или ДУМ) и контроль над ней со стороны государственной власти. В декабре 1965 года был создан союзный государственный орган, Совет по делам религий при Совмине СССР -- «в целях последовательного осуществления политики Советского государства в отношении религий».

Духовные управления мусульман сохраняются и ныне, так же как сохраняется и патерналистское отношение к ним со стороны государственной власти. Основные изменения по сравнению с советскими временами связаны, на мой взгляд, с тем, что в российских регионах нынешние ДУМ больше зависимы от региональных властей, чем от центральной. Эта тесная связь ДУМ с властью делает их малопригодными для защиты мусульман от произвола тех же властей — местных, когда речь идет о беспрецедентном даже для России размахе коррупции, и федеральных — в нередких случаях расширительного толкования силовыми органами понятия «борьба с экстремизмом».

И. Д.: И где же верующему в случае чего искать защиты?

Э. П.: Не находя защиты от произвола со стороны официального ислама, верующие все чаще обращаются за защитой к альтернативному религиозному течению в исламе — салафизму. Но тогда власть открыто принимает сторону официального, суфийского течения ислама, объявляя «салафизм» врагом. С конца девяностых годов едва ли не основным направлением «борьбы с экстремизмом» в республиках Северного Кавказа стали силовые действия против мусульман — приверженцев салафитского течения ислама. В сентябре 1999 года был принят республиканский закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан», согласно которому деятельность этого религиозного направления была приравнена к экстремизму. Такое вмешательство государства в религиозную жизнь породило в этой республике полномасштабную гражданскую войну между представителями двух течений ислама. Она обернулась уже тысячами жертв (убитых, раненных, пропавших без вести). Сегодня большинство дагестанских политиков, включая депутатов Федерального собрания и самого президента республики Магомед-салама Магомедова, признают, что этот закон принес много вреда. Но пока он не отменен.

И. Д.: То есть «хотели как лучше (надеюсь, что хотели), а получилось как всегда»?

Э. П.: Да, духовные управления мусульман, воспринимаемые как продолжение государственной власти, оказались в весьма тяжелом положении в условиях роста недоверия к ней со стороны населения. Многочисленные исследования показывают, что быстро увеличивающаяся популярность салафитского ислама прямо связана с нарастанием социально-экономического и политического протеста населения республик Северного Кавказа. Показательно, что боевики в Дагестане и в ряде других регионов чаще покушаются на жизнь имамов, чем на жизнь представителей исполнительной власти. Лишь северокавказские полицейские несут большие потери, чем имамы мечетей традиционного суфийского направления. Таким образом, без защиты оказываются не только рядовые верующие-мусульмане, но и священнослужители, опирающиеся на единую вертикаль власти и религиозных организаций.

И. Д.: А как самоорганизуются североамериканские мусульмане?

Э. П.: В США нет и никогда не было единой централизованной структуры исламского духовенства, контролируемой государством. Организации исламского сообщества являются там частью гражданского общества. Приверженцы ислама шиитского и суннитского, во всех их многочисленных проявлениях, добровольно создают свои локальные организации и сами же выбирают те общенациональные сети, в которые они готовы включиться. Эти сетевые структуры намного более независимы от государства (в организационном, правовом и экономическом отношении), чем исламские учреждения в России, и более влиятельны, чем российские.

Исламское сообщество США входит в пятерку крупнейших меньшинств страны, и уже поэтому с ним вынуждены считаться политики, которые получают свои посты в результате выборов. Кроме того, это сообщество институционально хорошо организовано, что делает его в электоральном поле одной из самых влиятельных сил. Судите сами: в 2004 году одно из множества объединений исламских сообществ — Совет американо-исламских отношений (CAIR) —

провело кампанию в американских СМИ, затратив на нее одновременно пятьдесят миллионов долларов. По словам исполнительного директора CAIR Нихада Авада, его организация ежегодно тратит десять миллионов долларов на проведение медийных кампаний. Весьма значительными финансовыми ресурсами располагают более крупные общественные объединения исламских организаций, такие как Федерация исламских ассоциаций Соединенных Штатов и Канады (FIAUSC), Исламское общество Северной Америки (ISNA), Совет американских мусульман (AMS), Мусульманский совет по общественным делам (MPAC), Американский альянс мусульман (АМА) и другие.

С 2004 года в США ведет вещание англоязычный общенациональный телеканал для мусульман Bridges TV. В России, где мусульман втрое больше, у них нет общенационального телеканала, хотя этого уже давно добиваются исламские религиозные деятели. В ряде американских штатов существуют мусульманские телепрограммы, в некоторых — не только на английском, но и на испанском языке.

И это лишь некоторые штрихи к характеристике институциональных возможностей сети исламских организаций США. После 2001 года эта могучая сеть, проявляя недовольство политикой Джорджа Буша, многое сделала для победы его оппонента. По данным исследователей из Конфедерации мусульманских организаций США, почти девяносто процентов мусульманских избирателей голосовали за Барака Обаму, что сыграло не последнюю роль в исходе президентских выборов в США в 2008 году.

И. Д.: Какую главную цель ставят перед собой американские объединения мусульман?

Э. П.: Защиту мусульман от дискриминации и обеспечение им возможности быть услышанными в публичном пространстве. Они же отстаивают их точку зрения в органах законодательной и исполнительной власти. И нужно отметить, что они неплохо справляются со своими задачами даже в условиях нынешнего беспрецедентного размаха исламофобии в США. Согласно исследованию Cornell University 2008 года, около сорока четырех процентов американцев считали необходимым ввести ограничения гражданских свобод в отношении мусульман. Однако ни одно антиисламское требование не переросло в законодательную норму. Оно даже не доходило до рассмотрения ни на федеральном уровне, ни на уровне законодательных органов отдельных штатов, во многом потому, что исламские правозащитные организации, опираясь на антидискриминационное законодательство, пресекали в зародыше такие попытки. Они же помогли переломить сильное сопротивление многих жителей Нью-Йорка идее строительства мечети на месте террористического акта 2001 года.

Сетевые структуры исламских общин играют весьма заметную роль в помощи мигрантам из исламских стран, стремящимся адаптироваться к социально-экономическим и культурным условиям Америки. В десятках университетов, колледжей, а также в муниципальных офисах организованы центры такой адаптации, в которых представители общин сотрудничают с органами местного самоуправления и государственной власти.

И. Д.: Значит, во взаимоотношениях государственных органов США с религиозными и этническими общинами превалирует принцип партнерства, а не подчинения по вертикали?

Э. П.: Да, он составляет сущность государственной политики США во вза-

имоотношениях с ними и кардинально отличается от российского принципа патернализма власти, ее стремления подчинить себе все общественное.

И. Д.: **И судя по тому, что после 11 сентября 2001 года в США, как вы уже упоминали, террористических актов больше не было, этот принцип партнерства помогает их предотвращать?**

Э. П.: В деятельности по предотвращению террористических угроз принцип сотрудничества с исламскими организациями реализуется в политике США наиболее плодотворно. О значении стратегии партнерства можно судить по официальным документам правительства США, например, по докладу Государственного департамента США от 9 мая 2007 года. В нем отмечается, что «...сотрудничество требует создания доверенных сетей для вытеснения и маргинализации экстремистских сетей...». Еще лучше характеризует политику партнерства американская повседневная практика. При каждом полицейском управлении США существует своя общественная палата из представителей этнических и религиозных общин. Некоторые из них на общественных началах являются советниками начальника полиции в том или ином городе.

А теперь попробуйте представить себе это в российских условиях, применительно к российским национальным и религиозным меньшинствам и российским же полицейским управлениям.

И. Д.: **Большинству из нас это показалось бы просто фантастикой.**

Э. П.: А в американских условиях эта практика прижилась. Согласно выводам Pew Research Center, шестьдесят восемь процентов американских мусульман не только готовы к сотрудничеству, но и уже активно взаимодействуют с правоохранительными органами. Сотрудничество коммунитарных структур с властью дает позитивные результаты. Сколь бы ни была высока исламофобия в США, но террористические акты под флагом борьбы за интересы ислама в США действительно не повторяются уже более 10 лет. Заезжие террористы-иностранцы, такие как те, кто задумал, организовал и совершил теракт 11 сентября 2001 года, не имеют достаточной опоры в местном исламском сообществе.

К сожалению, принципиально иная ситуация в России. В нашей стране все известные теракты (более двух десятков в разных городах страны) совершили российские граждане. Проблема их вовлеченности в террористические организации, прикрывающиеся идеями исламского фундаментализма, с годами лишь усугубляется, поскольку террористическая сеть расплзается по территории страны. Об этом свидетельствует, например, проводимый нами мониторинг местной прессы южных регионов России. Даже если мы ограничимся только информацией, полученной в самое последнее время, то и она показывает, что в этих регионах действовали вооруженные организации, состоящие из местных жителей, — это установили судебные заседания, проведенные в мае–июне 2012 года в Ставрополе, Астрахани и Волгограде. Они либо уже участвовали в террористических актах (как нефтекумская вооруженная группировка Ставропольского края), либо готовили их. А это значит, что угроза терроризма для населения российских краев и областей исходит ныне не только от заезжих террористов (еще недавно только их и опасались), но и от своих соседей, местных жителей.

И. Д.: **Но американский опыт свидетельствует о том, что и при нали-**

чи ксенофобских настроений в обществе предотвратить насильственные действия можно?

Э. П.: Важнейшим условием, предотвращающим перерастание ксенофобии в насильственные действия, является доверие населения к власти. Даже при высоких показателях ксенофобии общество с прочными традициями правовой культуры и законопослушным в своей массе населением не прибегает к насилию, если уверено, что «суд разберется» и «полиция защитит». Во многом этим обстоятельством объясняется тот факт, что в США после 2001 года не наблюдается массовых стычек, напоминающих погромы, какие были в России.

Если взять за точку отсчета не раз уже упомянутый 2001 год и ограничить территорию инцидентов только краями и областями за пределами Северного Кавказа, к тому же выделить исключительно столкновения представителей этнического большинства с меньшинствами, связанными с исламом, то и при всех этих ограничениях число конфликтов и погромов в Российской Федерации оказывается устрашающе большим в сравнении с американской ситуацией. К 2012 году насчитывалось как минимум десятков таких столкновений с участием более ста человек. И одним из основных мотивов нападавшей стороны была месть за то, что этническим меньшинствам покровительствуют коррумпированные власти. По этой же причине в декабре 2010 года состоялась многотысячная демонстрация на Манежной площади Москвы, а затем волнения охватили полтора десятка городов России. Поводом для них стала уверенность футбольных болельщиков (возможно, неоправданная), что выходцы с Северного Кавказа, участвовавшие в убийстве Егора Свиридова (одного из лидеров движения футбольных болельщиков), были отпущены на свободу в результате подкупа полицейских.

И. Д.: Такие подозрения в отношении властей весьма характерны для России.

Э. П.: По результатам многочисленных сравнительных исследований, общий уровень доверия населения к власти в нашей стране оценивается как один из самых низких в мире. Недавнее (июль 2012 года) стихийное бедствие в Крымске Краснодарского края продемонстрировало почти поголовное недоверие жителей этого города к властям. А на территориях с полиэтничным и поликонфессиональным составом населения недоверие к власти неизбежно усиливается и «горизонтальным недоверием» к соседям, особенно к «чужакам», с этим приходится сталкиваться повседневно в различных сферах жизни.

И. Д.: Получается, что одной из причин конфликтов, о которых вы говорили, является подозрение со стороны той или иной этнической группы в дискриминации по отношению к ее представителям. Но разве у нас нет законов, направленных против такой дискриминации? Или они не достаточно совершенны? Или просто не работают, как это нередко у нас бывает?

Э. П.: Законодательство в сфере противодействия расовой и религиозной дискриминации является одним из общепринятых в современную эпоху защитных барьеров на пути перерастания ксенофобии как состояния массового сознания в конкретные действия, угрожающие жизни представителей меньшинств или препятствующих реализации их потребностей и интересов.

В мировой практике сложились основные требования к антидискриминационному законодательству. Во-первых, в нем должно быть очень подробно

прописано определение дискриминации. При этом помимо прямой дискриминации обозначается и «косвенная дискриминация», то есть нормы и практики, которые ставят в менее благоприятное положение представителей меньшинств различного типа. Во-вторых, оно должно содержать указания на сферы общественной жизни, на которые распространяется запрет дискриминации: профессиональная занятость, профессиональное образование, начальное и среднее образование, доступ к товарам и услугам, включая здравоохранение и жилье, а также социальная защита. В-третьих, важный компонент антидискриминационного законодательства — правоприменительная практика. Прежде всего: в стране должны существовать конкретные механизмы, с помощью которых жертвы дискриминации могут защитить свои права, а нарушители антидискриминационного законодательства непременно понесут наказание. В-четвертых, обязательный компонент антидискриминационного законодательства — институционализация политики равноправия. Для этого определяются специальные функции и ответственность органов власти, местного самоуправления, а также предусматривается специализированное независимое ведомство по вопросам равенства. Этот орган должен обладать некоторыми судебными функциями, в частности иметь право на проведение собственного расследования.

В самом полном виде антидискриминационная система сложилась в США и Канаде, а из европейских стран — в Швеции. Менее развита она в других странах ЕС. Что касается России и СНГ, то в них такое законодательство как целостная система пока вообще отсутствует.

Ряд федеральных законов России содержит понятие «дискриминация». Наиболее подробные положения, относящиеся к равенству и запрету дискриминации, приводятся в Трудовом кодексе РФ, и на первый взгляд они обеспечивают защиту от дискриминации в сфере труда и при приеме на работу. Однако правоведы отмечают два фундаментальных недостатка этих норм. Во-первых, это нормы отраслевого законодательства, не вмонтированного в общее антидискриминационное. Во-вторых (и, наверное, это их главный недостаток), они не имеют практического значения. Как в теории, так и на практике остаются не проясненными вопросы, при каких обстоятельствах, в чей адрес и какие именно требования можно заявлять при предполагаемом нарушении. Не существует также установленных процедур выявления дискриминации. В России отсутствуют административные механизмы противодействия дискриминации: на государственные и муниципальные органы управления непосредственно не возложена обязанность решать такие вопросы. В результате дискриминация широко практикуется в России. Исследования нашего Центра этнополитических и региональных исследований показали, что ксенофобия порождает фактическую дискриминацию национальных меньшинств прежде всего при найме на работу, а также при покупке и аренде жилья. При экспериментальных обследованиях на пятидесяти предприятиях юга России, дававших объявления о найме работников, было установлено, что более чем в сорока процентах случаев отказ от приема на работу мог быть квалифицирован как проявление дискриминации национальных меньшинств.

В вертикальном государстве законы защищают власть и политический строй, а не рядового человека. В этом фундаментальная проблема постсоветского, в том числе и российского законодательства в сфере защиты прав человека — оно декларативно и лишь имитирует защиту гражданина. А в таком

случае оно не только не способно предотвратить массовые волнения и межгрупповые конфликты, но и само провоцирует их.

И. Д.: **Значит, дело в «полноценности» демократического устройства общества, при котором все же можно противостоять если не ксенофобии сознания, то ксенофобии действия?**

Э. П.: Да, на мой взгляд, демократическое правовое государство способно противостоять разрушительным последствиям ксенофобии (в частности исламофобии), хотя и не может предотвратить взрывные подъемы фобий в массовом сознании, так же как оно не в силах предотвратить глобальные экономические кризисы или экологические катастрофы. Полагаю, что стоит изменить традиционную постановку целей политики в отношении ксенофобии. Такая политика должна быть направлена не столько на манипуляцию массовым сознанием с целью выдавливания из него фобии, сколько на предотвращение *перехода ксенофобии идей и оценок в ксенофобию действий*. Иными словами, речь идет о переносе усилий властей и общества на блокирование опасных последствий любых перемен в массовом сознании. И такой барьер способно выставить демократическое правовое государство, контролируемое гражданским обществом и опирающееся на него. Присущие такому государству политические условия *создают возможность выживания, самореализации и обеспечения безопасности меньшинств даже в условиях сравнительно высокой ксенофобии как состояния массового сознания*.

В России сложились лучшие, чем в США, историко-культурные предпосылки для дружественного, партнерского взаимодействия исламских меньшинств с большинством населения страны. Но как наши богатейшие природные ресурсы не сделали Россию богатейшей страной мира, так и благоприятные для дружбы народов историко-культурные предпосылки зачастую не осуществляются в реальном взаимодействии людей. В восьмерке ведущих стран мира Россия лидирует, к сожалению, не по своим экономическим достижениям и не по уровню дружественности межгрупповых отношений, а по числу террористических актов и крупных межгрупповых столкновений на этнической, а в последние годы уже и на религиозной основе.

В России иные, чем в Америке, история исламского сообщества, его численность, расселение и характер взаимоотношений с большинством населения, но, несмотря на всю российскую специфику, у нас давно назрела необходимость восприятия универсальной тенденции разгосударствления и «гражданзации» религии — включения религиозных сообществ в систему институтов гражданского общества. Еще очевидней необходимость создания в России и воплощения в реальную судебную практику антидискриминационного законодательства, соответствующего мировым нормам. Вопрос лишь в том, возможны ли эти частные преобразования при сохранении в стране политического режима нынешнего типа?